

**Александр
Гарцев**

**Свободные
последние**

Александр Гарцев

Свободные после

<https://litres.ru/73977824>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новая повесть известного сетевого писателя Александра Гарцева - это доброе лирико-ироническое повествование о любви, дружбе и мужестве начинать сначала.

Трое шестидесятипятилетних друзей, каждый по-своему «свободный», приезжают в Геленджик, пытаясь догнать ушедшую молодость.

Но курортный сезон преподносит им не романтические иллюзии, а саму жизнь: с чеками, гипсом, внезапными штормами, неловкими признаниями и тихим смехом сквозь слёзы.

Бывает ли любовь после 60?

Да.

Но она не похожа на кино.

Это не спасение от одиночества, а осознанный выбор.

Не слияние, а партнёрство. Не погоня за идеалом, а готовность принять реальность — с её морщинами, привычками, прошлым и правом на ошибку.

Честно, иронично, без сентиментальности и лакировки.

Для тех, кто перестал ждать чуда и готов выбрать настоящее.

Александр Гарцев

Свободные после

Виктор Павлович Сухарев, 65 лет

- Портрет: Худошавый, с прямой осанкой, в безупречно отглаженных рубашках и кардиганах даже на пляже. Носит аккуратную седую бородку, очки в роговой оправе. Движения скупы, взгляд внимательный, чуть отстранённый.

- Биография: Инженер-проектировщик на заводе «Красный Октябрь». Всю жизнь жил с матерью-доминантой, которая в 1989-м запретила ему встречаться с Ларисой из заводского общежития («она тебе не пара, у неё нет перспектив»). Мать скончалась пять лет назад. Виктор так и не создал семью, работал, коллекционировал редкие марки, вёл дневник несданных писем.

- Привычки: Расставляет предметы на столе под прямым углом; проверяет замки трижды; заваривает чай ровно 4 минуты.

- Речевые особенности/жаргон: Говорит размеренно, использует книжные конструкции, иногда устаревшие вежливые формулы («Позвольте уточнить», «Буду весьма признателен»). Изредка проскальзывают советские инженерные штампы («сопротивление материалов», «допуск отклонений»).

Геннадий Ильич Кротов, 65 лет

- Портрет: Крепкий, с животиком, который он пытается втягивать, но сдаётся после первого бокала. Всегда в ярких рубашках с коротким рукавом, на руке золотые часы «вечно спешат». Улыбка широкая, но глаза иногда выдают усталость.

- Биография: В 90-е «челночил», открыл ларёк, потом оптовую базу. Женится второй раз на Надежде, которая через 12 лет ушла к своему первому мужу-музыканту. Потерял бизнес в 2008-м, работает консультантом в строительном магазине. Живёт один, но утверждает, что «свобода дороже цепей».

- Привычки: Постоянно поправляет воротник, жестикулирует широко, любит «решать вопросы», даже когда их нет. Держит в кармане мятную жвачку и чек из последнего магазина «для порядка».

- Речевые особенности/жаргон: Предпринимательский сленг 90-х/00-х: «бабки», «кидалово», «разводка», «нужен чёткий ТЗ», «давай по фактам». Любит пословицы-переделки: «Кто рано встаёт, тот в маршрутке места найдёт».

Аркадий Семёнович Лунёв, 65 лет

- Портрет: Высокий, сутуловатый, с пышной шевелюрой, победно торчащей из-под кепки. Носит жилет с карманами, в которых всегда: блокнот, ручка, упаковка валерьянки, старая плёночная камера.

- Биография: Бывший учитель литературы, затем радиоведущий на местной станции. Жена ушла к первому мужу

(строителю), оставив ему коллекцию пластинок и кота. Ведёт подкаст «Книжная полка одинокого мужчины», который слушают 300 человек, но он этого не знает.

- Привычки: Записывает всё в блокнот; перед сном читает классику; боится сквозняков; при волнении начинает цитировать Бродского или Чехова вслух.

- Речевые особенности/жаргон: Литературно-философский обороты, самоирония: «Как говорил мой психотерапевт, которого у меня нет...», «Это не кризис среднего возраста, это долгосрочная осадка». Любит каламбуры и отсылки к 90-м культурным феноменам («Наша жизнь – как касета: сначала жужжит, потом щёлкает»).

Лариса Владимировна Зверева, 63 года

- Портрет: Стройная, с тёплым взглядом, волосы собраны в лёгкий пучок, несколько седых прядей вплетены осознанно. Носит льняные платья, кожаную сумку через плечо, на шее шарфик ручной работы.

- Биография: Та самая девушка из общежития. После разрыва с Виктором уехала, вышла замуж, родила дочь, развелась. Сейчас владелица цветочной лавки и небольшого кафе в Геленджике. Прагматична, но не цинична.

- Привычки: Разговаривает с растениями; пьёт травяной чай; танцует аргентинское танго в свободное время.

- Речевые особенности/жаргон: Мягкая ирония, бытовые метафоры: «Любовь – как фикус: если не поливать, сохнет, но и переливать нельзя», «Давай без драм, я уже наплакалась»

в девяностых».

Марина Сергеевна Полякова, 62 года

- Портрет: Энергичная, с прямой спиной бывшей спортсменки, короткая стрижка, яркие серьги. Всегда в движении, голос поставлен чётко, взгляд цепкий.

- Биография: Мастер спорта по спортивной гимнастике, тренер, потом фитнес-инструктор. Овдовела 3 года назад. Пишет любовные романы под псевдонимом «Марк Полянский», издаётся в мягких обложках.

- Привычки: Делает утреннюю зарядку даже в отпуске; считает шаги; критикует осанку окружающих; пьёт воду из термоса с таймером.

- Речевые особенности/жаргон: Спортивные и писательские метафоры: «Стойка, дыхание, шаг», «Не прогибаемся под обстоятельства, а работаем в противофазе», «Сюжет требует развития, а не самоповтора».

Борис «Боря-Таксист» Козлов, 68 лет – местный водитель, экс-моряк Черноморского флота. Знает все дворы, сплетни и лучшие шаурмы. Говорит морским жаргоном: «Полный вперёд», «Штиль в голове», «На горизонте шторм». Юмор сухой, наблюдательный.

Инна Валерьевна, 45 лет – хозяйка пансионата «Волна». Организовала «Фестиваль Серебряных Роз». Обожает тренды, но понимает их по-своему. Использует слова «вайб», «ресурс», «нетворкинг» вперемешку с советскими лозунгами. Комична, но добра.

Дмитрий «Димка-Поэт» Орлов, 64 года – первый муж бывшей жены Геннадия. Аккордеонист, бард, романтик без копейки в кармане, но с полной душой. Появляется как «соперник», оказывается зеркалом и союзником.

Глава 1. Чемодан, вокзал, Геленджик

Виктор Павлович Сухарев упаковывал чемодан с той же методичностью, с какой в советские годы рассчитывал допуски для турбинных лопаток. Вещи складывались не стопками, а ячейками: носки — по цвету, рубашки — по степени формальности, лекарственные упаковки — по дням недели. Каждый блистер он подписывал чёрным фломастером: «ПН», «ВТ», «СР». На внутренней крышке, за подкладкой, лежало одно-единственное фото. Не цифровое, нет. Настоящее, с матовой поверхностью и загнутым уголком. Девочка в розовой ветровке, смеётся, жмурится от солнца. Лариса. Заводское общежитие, 1989 год. Виктор быстро захлопнул крышку, поправил замок и трижды проверил, не защемило ли ткань. «Соппротивление материалов», — пробормотал он, застёгивая молнию.

В это же время Геннадий Ильич Кротов боролся с чемоданом, как с непослушным поставщиком в 1998-м. Чемодан не закрывался. В нём уживались три ярких рубашки с принтами пальмовых листьев, упаковка активированного угля «на всякий случай», складной стул (а вдруг пляж будет тесным?), и томик «Как стать миллионером за 30 дней», который он перечитывал, когда тоска по бизнесу накрывала особенно

сильно. Гена впихнул в угол носки, надавил коленом, сел сверху и с победным «Ё-моё, договорились!» защёлкнул замок. На столешнице лежал список: «Паспорт, полис, таблетки от давления, жвачка, зарядка, настроение». Напротив последнего пункта он нарисовал восклицательный знак, потом зачеркнул и написал: «По возможности».

Аркадий Семёнович Лунёв собирался дольше всех. Не потому, что вещей было много, а потому, что каждую он надеялся смыслом. Плёночная «Зенит» — «для атмосферы, цифра душу не ловит». Блокнот в кожаном переплёте — «чтобы не растерять мысли, они, как коты, уходят без предупреждения». Термос — «чай на вокзале пьют из картона, а картон не держит тепло, как и воспоминания». Он аккуратно уложил три книги: Чехова, Бродского и детектив «Убийство в Восточном экспрессе» «для контраста». Надел жилет с карманами, проверил, не забыл ли валерьянку, и произнёс вслух, глядя в зеркало: «Путешествие — это попытка убежать от себя, но багаж всегда следует за тобой. Как радикулит».

Встретились они на Казанском, как и сорок лет назад. Тогда встречали «Ласковый май» с кассетным магнитофоном. Теперь — с чемоданами на колёсиках, которые предательски скрипели на плитке, как старые суставы.

— Так, мужики, — Геннадий поправил воротник рубашки, хоть до поезда оставалось двадцать минут. — Сборный пункт. Кто опаздывает — тот не друг. Кто не взял с собой хорошее настроение — тот не друг. Кто...

— Кто забыл таблетки от давления, тот не доедет, — перебил Виктор, останавливаясь напротив. — Здравствуй, Геннадий. Здравствуй, Аркадий.

— О, Витька! — Аркадий развёл руками, как будто обнимал невидимый зал. — Ты всё такой же аккуратный. Если бы так аккуратно паковал жизнь, давно бы уже...

— Давно бы уже что? — Виктор приподнял бровь.

— Неважно. Поезд скоро. — Аркадий вздохнул, но глаза смеялись. — Давай, загрузимся.

Купе оказалось классическим: синяя обивка, столик, покрытый скатертью в цветочек, и тот самый запах, который не меняется с брежневских времён — смесь чая, старой ткани и дорожного безвременья. Проводница, женщина с добрым, но натруженным лицом, выдала постельное бельё и сказала: «Счастливого пути, мужчины. Только не шумите, у нас тут дама едет, она спит крепко, но просыпается от храпа».

— Мы не храпим, — уверенно заявил Геннадий, раскладывая вещи.

— Ты храпишь в полтона, — заметил Виктор, укладывая рубашки в пустую полку. — Аркадий — в ми-бемоль. Я, к счастью, сплю тише турбины.

Поезд тронулся. Мелькнули платформы, склады, гаражи, потом пошли поля, потом — уже знакомая по детству степь. Витя достал термос, Гена — упаковку печенья «Юбилейное», Аркадий — тот самый блокнот.

— Ну что, — Геннадий отломил кусок печенья, облизал

крошки с пальцев. — Едем в город юности. В Геленджик. Тридцать лет не были вместе. А ведь как-то даже... не верится.

— Верится, если не смотреть в зеркало утром, — Аркадий открыл блокнот, сделал пометку. «Поезд. 65 лет. Иллюзия, что время можно обмануть расстоянием».

— Ладно, поэзия потом, — Гена включил на телефоне плейлист. Заиграл «Ласковый май». «Белые розы» наполнили купе, как будто в дверь постучал 1989-й. — Давайте договоримся. Раз уж мы сюда собрались не ради таблеток и не ради того, чтобы ругаться на ЖКХ... У нас есть чёткий ТЗ. Никаких жалоб. Никаких «эх, если бы тогда». Никаких вздохов по прошлому. Только вперёд. Отдыхаем. Встречаем. Живём.

Виктор молча помешивал чай. Ложка звякнула о стакан. Тихо, но отчётливо.

— Договорились, — сказал он. — Но если кто-то начнёт ныть про радикулит, я выкину его чемодан на первой же станции.

— У меня радикулит не нытьё, а философия, — Аркадий улыбнулся. — Он напоминает, что я не железный. А ты, Витька, всё ещё веришь в «вперёд»? После всего?

Виктор посмотрел в окно. Поля сменились холмами. Где-то впереди ждало море. И Лариса. Или не она. Или она, но другая.

— Верю в допуск отклонений, — сказал он. — Жизнь —

это не чертёж. Иногда деталь встаёт не туда, куда рассчитано. Но если подогнать... работает.

Геннадий рассмеялся, но смех получился коротким, как будто споткнулся.

— Ладно. Работаем по фактам. Вечером — ужин. Завтра — пляж. Послезавтра — та самая дискотека у набережной. Помнишь, Аркаша? Ты тогда спел «Комарово», а мы смеялись до икоты.

— Я не пел, я декламировал, — поправил Аркадий. — Но да, помню. Тогда нам казалось, что лето бесконечное. Что любовь — это навсегда. Что мы непобедимы.

— А теперь? — Гена посмотрел на друзей. В его глазах, за яркой рубашкой и привычкой «решать вопросы», мелькнуло что-то усталое. Настоящее.

— Теперь мы понимаем, что любовь — это выбор. А не погода, — Виктор сказал это так, будто зачитывал техническую инструкцию. Но голос дрогнул. — И что выбирать нужно здесь. Сейчас. Пока не поздно.

В купе повисла тишина. Только стук колёс, только «Белые розы», только дыхание трёх мужчин, которым по шестьдесят пять, которые когда-то были молодыми, которые сейчас снова пытались быть ими. Или просто пытались быть живыми.

Проводница заглянула в дверь.

— Чай, мужчины? Или, может, коньячку? У меня есть, для согрева.

— Давай чая, — сказал Геннадий. — Коньяк оставим на

завтра. Когда доплывём.

— До города, — поправил Виктор.

— До свободы, — добавил Аркадий, закрывая блокнот.

Поезд набирал ход. За окном уже пахло югом. Тёплым, пряным, немного солёным. Как обещание. Как вопрос. Как начало.

Они ехали не назад. Они ехали вперёд. Просто путь пролегал через прошлое. И это, как оказалось, была самая смешная и самая трудная часть маршрута.

Глава 2. Пансионат «Волна» и фестиваль «Серебряные розы»

Геленджик встретил их не морем, а асфальтом, раскалённым до состояния расплавленной карамели, и ошеломляющим запахом жареной скумбрии, хвои и выхлопных газов. Таксист Борис, бывший боцман с лицом, высеченным из морского гранита, молча довёз их до улочки, где, по словам навигатора, должен был находиться пансионат. «Направо, за аркой. Там ковры на стенах висят, не ошибётесь. Если что — свистите, я на горизонте». И уехал, оставив после себя только скрип тормозов и обещание «полного вперёд».

Пансионат «Волна» не просто сохранил дух девяностых. Он законсервировал его, как банку с компотом, и выставил на полку времени. Двухэтажное здание, выкрашенное в цвет увядшей фисташки. На входе — тяжёлые шторы из бархата, явно пережившие перестройку. В холле, под люстрой, где не хватало трёх хрустальных подвесок, на стене висел ковёр с

оленьями. Не метафорический. Настоящий. Плотный, ворсистый, с одним оленем, потерявшим рог в результате, видимо, неудачной чистки пылесосом.

— Ну, Витька, — Геннадий присвистнул, оглядывая ре-сепшн. — ТЗ на ретро выполнено на сто процентов. Сейчас кассетный магнитофон включат, и появится автомат с газировкой.

— «Электроника» уже играет, — тихо заметил Виктор, кивнув на стойку. Действительно, из-за прилавка доносился приглушённый звук старого радиоприёмника: где-то внутри трещала помеха, но сквозь неё пробивались аккорды чего-то похожего на раннюю «Машину времени».

Аркадий уже достал блокнот. «Прибытие в место, где время остановилось. Или замедлилось, чтобы дать нам возможность догнать себя». Он аккуратно записал, потом добавил: «Олень без рога. Символ утраты иллюзий. Или просто плохой пылесос».

Дверь в служебное помещение распахнулась, и в холл вошла стихия в льняном костюме. Женщина лет сорока пяти, с идеально уложенной стрижкой каре, нанизанными на запястья браслетами из бирюзы и голосом, который, казалось, мог пробить бетонную стену.

— Товарищи отдыхающие! Добро пожаловать в ресурсное пространство пансионата «Волна»! — Она улыбнулась так широко, что стало ясно: улыбка — её рабочий инструмент. — Я Инна Валерьевна, ваш куратор по вайбу и нетвор-

кинг. В этом сезоне мы запускаем уникальный проект: «Фестиваль Серебряных Роз». Возраст — не помеха, а бонус! Мы не ищем прошлое, мы создаём настоящее. Программа насыщенная: танцы, караоке, мастер-классы по осознанности и, главное, Вечер Знакомств у моря. Бейджики выдаются всем желающим. Без бейджика — не участник. Без участия — не вайб.

Она положила на стойку коробку с пластиковыми карточками. На каждой было напечатано: «УЧАСТНИК ФЕСТИВАЛЯ. ИМЯ: _____. ЦЕЛЬ: СЧАСТЬЕ / ПОИСК / ОТДЫХ / ПРОСТО СМОТРЮ».

Геннадий первым потянулся к коробке.

— Инна Валерьевна, а входной билет на этот... фестиваль... он в рублях или в долларах? А то я, знаете, после 2008-го с конвертацией настроженно.

— Всё включено в проживание, Геннадий Ильич! — она уже знала их имена, видимо, из списка. — Мы работаем на атмосферу. На душевный контакт. Берите бейдж, заполняйте цель. Только честно. Вселенная любит точность.

Виктор взял карточку. Пальцы коснулись гладкого пластика. «Цель», — подумал он. — «Допуск отклонений: ноль. Реальная цель: неизвестна». Он аккуратно вывел: «Виктор Сухарев. Цель: Отдых». Но ручка зависла. Потом, мелким почерком, ниже, приписал: «...и проверка допусков».

Аркадий выбрал карточку с надписью «ПРОСТО СМОТРЮ». Усмехнулся. «Ложь во спасение, — записал он в блок-

нот. — Классический приём. Мы все смотрим. Вопрос — на что».

Геннадий, не раздумывая, написал: «Геннадий Кротов. Цель: СЧАСТЬЕ». Потом зачеркнул «СЧАСТЬЕ», написал «НЕТВОРКИНГ», снова зачеркнул и в итоге оставил «ПОИСК». «Поиск чего?» — спросил он сам себя вслух. «Бабки уже нашёл. Осталось найти то, что бабками не купишь. Или наоборот».

— Регистрация на Вечер Знакомств открыта! — провозгласила Инна Валерьевна, доставая планшет, который выглядел чужеродно среди ковров и оленя. — Сканируйте код, подтверждаете участие. Дресс-код: свободный, но не пляжный. Мы же не на дискотеку в заводском клубе, хотя... если хотите, можно и туда. В девяностых было весело!

— В девяностых было страшно весело, — пробормотал Аркадий, но палец уже тянулся к телефону.

Процесс сканирования превратился в комедию положений. Виктор трижды вытирал экран футболкой, прежде чем камера распознала квадрат. Геннадий ругался на «тормоза интернета» и требовал «оператора для решения вопроса». Аркадий просто нажал «подтвердить», потом быстро убрал телефон, как будто совершил преступление.

— Отлично! — Инна Валерьевна хлопнула в ладоши. — Встречаемся в девятнадцать на террасе. Не опаздывайте. Время — ресурс, а ресурс не резиновый.

Когда она ушла, оставив после себя шлейф дорогих духов

и энергичного обещания, троица молча поднялась по лестнице в свой номер. Дверь открылась с тихим стоном. Внутри: две кровати, одна раскладушка, комод с зеркалом в трещинах, и вид на море через решётчатые жалюзи. Запах старого дерева и лимонного освежителя.

Геннадий бросил чемодан на кровать, сел, снял рубашку, вытер лоб.

— Ну что, мужики. «Серебряные розы». «Нетворкинг». «Вайб». Я в девяностых ларьки открывал, а тут... фестиваль для тех, кому за...

— За шестьдесят пять, — спокойно закончил Виктор, раскладывая свои вещи в строгом порядке. — И что? Мы ехали не за логикой. Мы ехали за... чем-то другим.

— За иллюзией, — Аркадий подошёл к окну, приподнял жалюзи. Море лежало внизу, тяжёлое, синее, равнодушное. — Но иллюзия, Аркаша, — это всего лишь реальность, которую ещё не проверили на прочность.

— Проверим, — Геннадий встал, подошёл к зеркалу, поправил воротник. — Только давайте без фанатизма. Я не ищу «ту самую». Я ищу... чтобы не было скучно. Чтобы вечер прошёл. Чтобы... — он запнулся. — Чтобы почувствовать, что я ещё не списан в утиль.

— С утилем у нас всё в порядке, — Виктор открыл свой чемодан, достал упаковку таблеток, расставил их по дням. — Мы не списаны. Мы просто переквалифицированы.

Вечером, ровно в 19:00, они спустились на террасу. На-

встречу им плыли звуки аккордеона, смех, звон бокалов. Инна Валерьевна стояла у входа, раздавая программки. Увидев их, кивнула: «Бейджики на груди, господа. Вы в системе».

Они прикололи карточки к рубашкам. Пластик был прохладным.

«Цель: Отдых».

«Цель: Поиск».

«Цель: Просто смотрю».

Никто не сказал ни слова. Но все трое понимали: пакт из первого купе уже дал трещину. И это было не страшно. Это было началом.

Море дышало. Ветер нёс соль и звук шагов. Где-то в толпе мелькнула знакомая походка. Или показалось. Или не показалось.

Фестиваль начался. А с ним — и всё остальное.

Без извинений, пожалуйста. Это прекрасная рабочая просьба, которая сразу задаёт ритм и атмосферу. Буду строго следовать этой структуре с третьей главы и далее. Вот продолжение.

Глава 3. Первый выход в свет, или Танцы на костылях

Вечернее солнце, ещё не решившее окончательно скрыться, ложилось на черепичные крыши Геленджика тягучим, янтарным светом. Воздух был густым, прогретым за день, с еле уловимой горчинкой кипарисов и солёной влагой, принесённой лёгким, порывистым бризом. На открытой террасе пансионата «Волна» время словно замедлило ход: длин-

ные тени от пальм в кадках вытягивались по выцветшему деревянному настилу, а гирлянды тёплых лампочек, ещё не включённые, уже обещали уют. Здесь, под навесом из потрёпанной парусины, только что расчистили пространство для танцев. Старый бумбокс, подключённый к ноутбуку Инны Валерьевны, тихо шипел в ожидании музыки. Пахло сосновой смолой, разогретым деревом и дешёвым, но бодрящим лосьоном «для разминок». Море внизу уже темнело, только кромка пены отбрасывала серебристые блики.

Мастер-класс по парным танцам обещал стать главным аттракционом «Фестиваля Серебряных Роз». Инна Валерьевна, сменившая дневной льняной костюм на лёгкие шаровары и майку с принтом *«Flow & Let Go»*, уже расставляла пластиковые конусы.

— Дыхание, контакт, шаг, — инструктировала она, расхаживая между складными стульями. — Не ведите, не тяните. Просто будьте в моменте. Тело помнит то, что разум давно забыл. А если не помнит — научится. Мы здесь не на олимпиаде, мы здесь, чтобы не бояться быть смешными.

Геннадий уже стоял у края площадки, руки на поясе, рубашка расстёгнута на две пуговицы. Он покачивался на носках, отбивая воображаемый такт, и явно готовился «взять управление на себя». Аркадий нервно поправлял жилет, борючая под нос что-то про «ритм сердца и размер стопы». Виктор стоял чуть в стороне, у перил, руки в карманах брюк. Наблюдал. Ему пока было достаточно смотреть.

К ним, уверенной, почти спортивной походкой, приближалась она. Марина Сергеевна Полякова. Короткая стрижка, прямые плечи, взгляд, который сканировал пространство, как тренер на соревнованиях. На ней было тёмное платье из лёгкой ткани, ничуть не мешающее движению, и туфли на низком, устойчивом каблуке. Не для танцев. Для жизни.

— Так, мужчины, — Марина остановилась перед ними, сложив руки на груди. — Инна Валерьевна сказала, вы «серебряные розы». Я вижу три кактуса, но работаем с тем, что есть. Геннадий, вы уже стоите так, будто собираетесь подписывать контракт на поставку щебня. Расслабьте плечи. Аркадий, вы записываете? Блокнот оставьте в номере. Танец — это не черновик. Виктор... — она перевела взгляд на Сухарева. — Вы стоите идеально ровно. Слишком ровно. Будто ожидаете инспекцию ОТК. Снимите галстук. Хотя его нет. Снимите напряжение.

Геннадий фыркнул, но плечи всё же опустил.

— Марина Сергеевна, я к танцам отношусь как к бизнесу: чёткое ТЗ, взаимная выгода, никаких скрытых комиссий.

— В танце нет комиссий, — спокойно ответила она. — Есть доверие. И если вы ведёте, как начальник отдела продаж, партнёрша сбежит на первом же повороте. Или подаст на развод.

Аркадий уже тянулся к жилету, но, вспомнив её слова, отдёргнул руку. Вместо этого начал тихо цитировать, глядя в пол:

— «Мы пляшем, пока играет музыка... но кто выбирает мелодию? И почему шаги всегда отстают от желаний?»

Марина улыбнулась, но в улыбке не было снисхождения. Только интерес.

— Вы читаете для себя, Аркадий Семёнович. А не для партнёрши. Тело здесь, а голова — где-то в строфах. Вернитесь в стопы. Почувствуйте пол. Он никуда не денется. А вы, пока цитируете, уже потеряли ритм.

Виктор молча слушал. В её словах звучала не критика, а диагностика. Точная, без жалости, но и без жестокости. Он вспомнил Ларису. Как она когда-то говорила ему на заводской дискотеке, в 1989-м: «Ты всё время считаешь шаги, Вить. А танцуй. Просто танцуй». Тогда он не понял. Теперь понял. Слишком точно.

— Начинаем, — объявила Инна Валерьевна. Включилась музыка. Не сальса, не танго. Медленный, ритмичный свинг. Что-то из девяностых, переделанное под современные биты. — Парами! Не ищите идеал. Ищите того, кто рядом. И помните: спина прямая, подбородок не вниз, глаза — на партнёра, а не в телефон!

Геннадий шагнул к Марине. Она не отстранилась, но поставила руку на его плечо с профессиональной лёгкостью.

— Шаг, два, три. Не тащите меня к кассе, Геннадий Ильич. Ведите.

Он попытался. Получилось так, будто они разбирали ящик с гвоздями в тесном кладовке. Он потел, она дышала

ровно. На третьем повороте он наступил ей на ногу. Извинился, покраснел. Она кивнула.

— Стойка. Дыхание. Шаг. Не прогибаемся под обстоятельства, а работаем в противофазе.

Он попытался снова. Получилось чуть лучше. Почти смешно. Почти грустно. Но в его глазах мелькнуло что-то новое: не желание «победить», а желание не отстать.

Аркадий оказался в паре с женщиной лет шестидесяти, в платке и с добрыми, чуть насмешливыми глазами. Он сразу начал напевать под музыку, сбиваясь с ритма, вставляя между тактами отрывки из Бродского. Она рассмеялась.

— Вы что, поэт? А я бухгалтер. Давайте просто ходить, а то вы меня в метафоры запутаете.

Он смутился, но впервые за вечер убрал руки от жилета и просто пошёл. Не читал. Не играл. Просто шёл. И вдруг, на удивление себе, поймал ритм. Ноги сами нашли шаг. Он даже не заметил, как перестал бояться ошибиться.

Виктор остался один у перил. Наблюдал. Море внизу было уже тёмным, только кромка пены серебрилась в сумерках. Ветер усилился, принося с собой запах жареной рыбы и далёкого дождя. Инна Валерьевна подошла к нему.

— Виктор Павлович, вы же не будете стоять в стороне весь вечер?

— Я не танцую, — сказал он. — Я наблюдаю. Это тоже участие.

— Наблюдение без действия — это консервация, — мягко

возразила она. — А мы здесь не для музейных экспонатов.

В этот момент он увидел её. Ларису. Она стояла у входа на террасу, в светлом льняном платье, с кожаной сумкой через плечо. Не участница. Просто гостя. Или хозяйка соседнего кафе. Она смотрела на танцующих, и её лицо было спокойным, но в глазах мелькало что-то знакомое. Не боль. Не тоска. Скорее, тихое узнавание. Как будто она тоже когда-то стояла в стороне. И тоже ждала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.